

Элина БЫСТРИЦКАЯ:

«Талант — слово привлекательное»

Она живет в центре Москвы, в одном из загадочных старинных переулков. У нее красивый и уютный дом, где себя чувствуешь просто замечательно. Да и как может быть иначе, ведь его хозяйка — Элина Авраамовна Быстрицкая. Глядя на ее статную фигуру, легкую походку и фантастическую красоту, сразу представляешь Аксию из «Тихого Дона», доктора из «Неоконченной повести», Лелю из «Добровольцев» и еще много, много ее разных героинь в кино и в театре, и как-то язык не поворачивается сказать, какой юбилей она только что отмечала. Вопрос возник сам собой.

— И все-таки, женщине надо скрывать возраст?

— Мне не надо. А другие, как хотят. Мне это не мешает и никогда не мешало. Подумаешь, большой секрет. А то не видно. Мне 75.

— Честно говоря, не скажешь. Вы — исключение. А вообще что-то, наверное, все равно выдаст.

— В основном руки. Мой знакомый как-то (много лет назад) вернулся из Америки, где встречался с Марлен Дитрих. И говорит: «Перед встречей Дитрих успела в саду поработать — вот как надо форму поддерживать. Пришла на встречу с нами и извинилась, что в перчатках, потому что не успела руки привести в порядок!» Я улыбнулась: конечно, на руках грим особенно не сделаешь! Он был чрезвычайно удивлен. Женщине, особенно актрисе, безусловно, надо следить за собой.

— Вам и это с блеском удается!

— Стараюсь. Просто здесь не бывает мелочей. Например, Елена Владимировна, помогавшая мне по хозяйству. Научила использовать вместо картошки айву. На гарнир. Вкусно и полезно.

— Итак, секрет номер один: картошку не едите.

— Стараюсь не есть. Я должна держать форму, иначе как буду работать?

— Вы много лет делали особую зарядку. И теперь тоже?

— Прибавился еще тренажерчик. Но ничего такого особенного, чтобы как-то себя сохранить, я не делаю, просто тружусь. Вот и все. А еще, во мне есть то активное начало, которое позволяет мне шутить на тему возраста. Моя Хлестова из «Горе от ума», например, говорит: легко ли мне в 65 лет тащиться к тебе, племянница? И дальше — мучение, час битый ехала с Покровки. Ведь можно жаловаться, сетовать, а можно над этим поиздеваться. Я выбираю второе.

— Вы похожи на своих героинь?

— Наверное, да. Во всяком случае, когда Михаил Шолохов увидел меня, а он лично утверждал актеров для «Тихого Дона», воскликнул: «Так вот же она, Аксиныя!». Мой характер и характеры моих героинь, пожалуй, действительно во многом похожи. А судьба, в конечном счете, — и есть характер. Возможно, если бы не моя настойчивость и не мое упорство, я бы не добилась того, чтобы стать актрисой. Я всегда ставила пе-

ред собой недостижимую цель. Хотя надеялась на судьбу, но и сама не плошала. Всегда что-то делала, чтобы приблизить ее.

Я ведь должна была стать врачом по семейной традиции. Актерство мой папа вообще не считал профессией. И когда говорил об этом, то на лице у него было такое выражение, будто таким делом заниматься непристойно. Хотя родители водили меня в театры: и в оперный и в драматический. Интеллигентный ребенок должен все знать. Но, чтобы участвовать профессионально, — не дай Бог, что вы!

— Как же вам удалось вырваться?

— С трудом. Было так. Я собралась поступать в медицинский институт после техникума. Поэтому окончила его с отличием, чтобы иметь право продолжать учебу. Оставаться просто фельдшером не хотела. Если уж быть в медицине, то врачом. А на втором курсе техникума меня позвали участвовать в самодеятельности. Я сыграла в водевиле Куприна «Лейтенант фон Пляшке» роль Каролины Пимперникель. У меня была только одна реплика, повторявшаяся несколько раз, и звучала она так: «Пи — пи!» Каждую сопровождал взрыв хохота. Меня потом поздравляли, говорили, что у меня талант. А слово «талант» — оно же очень привлекательное. И я сразу поверила, у меня даже сомнений не было в том, что я талант. А дальше уже все просто. Раз талант... Что такое сцена, что за профессия, среда — ничего не знала. Но на последнем курсе техникума началась практика и я поняла, что врачом не смогу быть. Становилось плохо от того, что видела. Была перегружена впечатлениями войны, работы в госпитале. Психика не выдерживала. И подумала: что еще могу? Здесь я никто, а там — удивительная жизнь и мой талант. Но надо было договориться с родителями.

Папа — военврач, приехал первый раз после войны в 1947 году. У меня с ним произошел очень сложный разговор. Папа сказал твердо, что поедет со мной Киев посмотреть, что это за институт. Помню, папа был такой нарядный. Пришли мы к ректору. А тот: чем могу быть полезен? И вдруг папа говорит: «Объясните, пожалуйста, моей глупой дочери, что ей в вашем институте делать нечего». Больше я ничего не слышала — выбежала из аудитории. Вечером, когда мы возвращались в Нежин, сказала папе, что вообще нигде не буду учиться. Он сказал: хорошо, тогда мы все поедим в Дрезден. Поехали. Через три месяца папу перевели в Вильнюс, на первых порах семья брат была некуда, поехала только мама, а мы с сестрой вернулись в Нежин. Мне пришлось поступить в педагогический, раз в театральный невозможно — надо было, чтобы забыли про весь тот кошмар. Да, вот о чем я совсем забыла.

На последнем курсе техникума я стала посещать балетную школу. Решила — раз стану актрисой, то мне как-то надо приобретаться к этому кругу. В музыкальной школе жена директора, в прошлом танцевавшая в оперетте, вела балетный класс. Я пришла к ней. А она сказала, что надо было раньше лет на десять. Я ответила, что балериной становиться не собираюсь, но мне необходимо научиться красиво двигаться, так как вероятнее всего стану актрисой, помогите. И встала к станку вместе с маленькими девочками.

— Вы просто, как Ломоносов...

— Занималась по 4 — 6 часов в день. За полтора года прошла программу пяти классов. Встала на пальцы и решила, что хватит. Потом уже, в педагогическом институте организовала танцевальный кружок, вела его. На смотре наш кружок завоевал первое место и меня наградили путевкой в Дом отдыха работников искусств.

— Чемпионское в вас всегда присутствовало. Вам необходимо было во всем быть первой.

— Лучшей. Ну вот, в Доме отдыха одна актриса меня спросила: «Где вы учитесь?». Я

ответила. «Очень жаль, — сказала она. — Вам надо в театральный». Все. В меня это запало. После отдыха поехала поступать в театральный, в Киев. Поступила легко.

— А когда состоялся ваш дебют на профессиональной сцене?

— Еще в балетной школе. Совершенно потрясающий. Меня позвали в спектакль «Маруся Богуславка» играть Одалиску в гареме султана. Мама пришла посмотреть вместе с приятельницей. Потом, не скрывая своего недовольства, сказала, что нельзя выходить на сцену в таком вызывающем костюме, почти голой. Однако ощущения от сцены у меня остались потрясающие. Хотя я мало, что тогда понимала. Но мне аплодировали, словом, был успех. В этом году исполняется 55 лет с того дня.

— А на драматическую сцену вы когда вышли впервые?

— 53 года назад. Моя первая роль — арбузовская Таня на сцене Вильнюсского Русского драматического театра.

— А первое самое сильное театральное впечатление?

— От Малого театра, который приехал на гастроли в Киев. Я была тогда студенткой второго курса. Помню, сидела где-то на ступеньках. Смотрела «Калиновую рощу», «Порт-Артур». Играли мастера. Все было так ярко, так интересно. Подумала, какое же это счастье выйти когда-нибудь на такую сцену. Но об этом даже мечтать было невозможно. Только после «Тихого Дона» я рискнула попроситься в Малый. Сама.

— Всегда ли ваши столь решительные шаги заканчивались победой?

— Вовсе нет. Я не говорю о театре, но тогда в кино можно было попроситься на роль и это было не стыдно. Потому что дальше тебе нужно было выиграть конкурс. Так я попросилась на роль Карениной, но мне не дали.

— Жаль!

— Не знаю. Татьяна Самойлова была очень хороша в этой роли. Хотя я бы сыграла другую Анну.

— Какую?

— Сейчас-то уж что говорить. Но я считала, что Анна поступает эгоистично, хотела ее осудить. Ну, не вызвала она у меня сочувствия. Я сравнивала Анну с Аксиной. Сила чувств вроде бы одинаковы, но проявление их разное. В любви Аксины к Григорию нет ничего для себя. Все для него. А Анна — эгоистка, у нее на первом месте — эмоции. А впрочем, к чему сейчас эти рассуждения.

— Нет-нет. Это очень интересно. Скажите, вы никогда не встречали мужчину, ради которого, на ваш взгляд, можно было бы бросить все?

— Я бы никогда ради личных интересов не бросила бы своих близких. У меня не было детей, но у меня есть сестра, были родители. Нет, никогда бы себе не позволила.

— Вам приходилось играть и комедию, и трагедию. Что доставляет вам наибольшую творческую радость?

— Комедию люблю больше. Во-первых, она не требует таких огромных душевных затрат. А во-вторых, хочется доставлять людям радость, хочется вселять в них оптимизм.

— Вы жалеете о какой-нибудь не сыгранной роли?

— Я жалею обо всех ролях, которые не сыграла. Их очень много. Я вообще мало играла, могла бы много больше. У меня были простои чуть ли не по десять лет. Почему, собственно, я так активно и занималась общественной деятельностью. (В течение многих лет, в частности, возглавляла Федерацию художественной гимнастики СССР). Я не то, чтобы убегала от театральной действительности, мне это как-то компенсировало отсутствие ролей. Но вообще я хочу сказать, что роли жизненный запас сил не уменьшают, скорее, его увеличивают.

— Ваша недавняя театральная работа — Турусина из «На всякого мудреца довольно

простоты» просто фейерверк жизненной энергии, юмора, зрительный зал в восторге. Вас привлекают такие характеры?

— Нет. Только на сцене. Я совсем другая. Достаточно закрытая. Хорошо управляю всем, что делается в моей душе, и ничего не выпускаю наружу. Конечно, мой собственный жизненный опыт имеет большое значение в работе. Но с тех пор, как я начала мечтать о театре, много занималась самообразованием. Читала, смотрела. Всегда была очень любопытна, любознательна. Мне было все интересно.

— Может быть, это и есть ваш двигатель? Потому что все в жизни вы сделали своими руками.

— Да, я всегда доказывала себе: могу. Подарков мне судьба не преподносила. Бывали маленькие шансы, но их надо было разглядеть и принять решение.

— Какая из ваших киноролей далась труднее всего?

— Конечно, Аксиныя. Нужно было и себя преодолеть и какие-то нравственные устои. Физически проникнуть в образ, ощутить его было не просто. У меня для этого не было достаточно наблюдений. Я, правда, во время войны, в той станице, где стоял наш полк, за казачками и крестьянками наблюдала. Заметила разницу между ними. Они были все грамотные, они все были осведомлены о косметике. О народной, конечно. Скажем, никогда не загорали, тщательно завязывали личико. Умывались кислым молочком. Я у них много переняла. А когда мы приехали на съемки, с первого дня каждое утро ходила вместе с ними по воду: они учили меня носить ведра на коромысле на плече, да так, чтобы ни капельки воды не выплескивалось ни на дорогу, ни на платье. Да еще так идти с ними, чтобы и Гришке понравиться. Научили меня и всяким другим премудростям казацкого быта. И в какой-то момент я почувствовала себя казачкой.

— А вообще вы любите праздники, гостей собирать?

— Нет. И никогда не любила. На это уходит время. А люди, которые приходят отдохнуть — не раскрываются, а напротив — представляются. Мне это не интересно.

— Вы в определенном смысле аскет?

— Видимо, да. Большая жизнь лишнее отсекает.

— Но кое-кто в ней и появляется?

— Вы имеете в виду маленькую Фифу, которая теперь командир?

— Да. А как этот смешной рыжий пекинец у вас появился?

— Произошло это пять лет назад. Я уже начала подумывать, что стоит все-таки завести собаку. Но не большую, а такую маленькую. Во то лето я отдыхала в Архангельском. Было довольно скучно, и мы (еще две пары друзей) решили сделать шашлык. Направились для начала на рыночек. Там вижу, несут такое чудо курносое, махонькое. Спрашиваю, можно ли с ней поиграть? А она тут же начала лизать мне руки. Как зовут? Фира, сокращенное от Эсфирь. А это имя моей мамы. Я просто задохнулась. К тому же происходит все 9 августа, а мама умерла 11 сентября. У меня сразу мысль — это мне от мамы. Спрашиваю, сколько стоит? После ответа застываю и судорожно начинаю думать, что бы продать. И вдруг вижу, как какой-то мужчина достает деньги и забирает собачку. А потом подходит ко мне и протягивает ее: «Я ваш почитатель. Возьмите». Я начала было отнекиваться, мол, неудобно. А он: «Я могу себе позволить». Вот так она и появилась у меня.

— Вы жалеете о чем-нибудь, что не состоялось в жизни?

— Я никогда ни о чем подобном не жалею. И думаю, что ничего не сделала такого, за что можно быть наказанной судьбой. Когда я впервые прочитала «Портрет Дориана Грея» Уайльда, отнеслась к этому произведению весьма серьезно. Все, что ты в жизни делаешь, обязательно оценивается. Причем, не современниками, а там, где высший разум. Каждый получает, что заслужил. — я много раз в жизни наблюдала, как люди расплачиваются за свои неблагоприятные поступки. И сказала себе: никогда, не имею права. Если что-то случается не по моей вине, всегда стараюсь помочь исправить. Это для меня как вероисповедание.

Беседовали Татьяна СЕМАШКО и Наталия БАТАЕН